

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Народы Западной Сибири

Ханты. Манси.
Селькупы. Ненцы. Энцы.
Нганасаны. Кеты

НАУКА

УДК 39(571)
ББК 63.5(253.3)
НЗ0

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 04-01-161790*

Работа выполнена в рамках
Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН
“Этнокультурное взаимодействие в Евразии”

Ответственный секретарь
серии “Народы и культуры”
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.А. АЛЕКСЕЕВ,
доктор исторических наук В.В. КАРЛОВ,
доктор исторических наук Д.А. ФУНК

Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты / отв. ред. **И.Н. Гемуев**, В.И. Молодин, З.П. Соколова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – М. : Наука, 2005. – 805 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-010297-0 (в пер.).

“Коренные малочисленные народы Севера” формировались на единой территории Западной Сибири, активно взаимодействуя друг с другом, что обусловило их культурную близость. Занятие традиционными отраслями хозяйства – оленеводством, охотой, рыболовством – обеспечило сохранение традиционных, в том числе архаических, черт в их материальной культуре и социальных отношениях. Авторы данного тома – ведущие специалисты в области сибиреведения – широко использовали новые материалы полевых исследований, в том числе последних десятилетий. Несмотря на этническую близость народов, авторам удалось четко развести данные по всем народам и изложить материал по плану, в который включены общие сведения о народе, обзор основных концепций происхождения и этнической истории, описание хозяйства и хозяйственного цикла, материальной культуры, социальной организации и общественного быта, семейной обрядности, мировоззрения и культовой практики, духовной культуры.

Для специалистов-этнологов, историков и широкого круга читателей.

Темплан 2005-II-55

ISBN 5-02-010297-0

- © Институт этнологии и антропологии РАН, 2005
- © Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005
- © Коллектив авторов, 2005
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Народы и культуры” (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2005

Хозяйство манси носило комплексный характер. Часть северных манси-оленьеводов уходила на Урал ранней весной и оставалась там до глубокой осени. Большим праздником считался Ильин день, совпадающий с тем временем, когда кончается линька оленей. Праздник был связан со стремлением к общему благополучию всех его участников. Его обязательным элементом считалось жертвоприношение оленей.

Одной из наиболее характерных черт осенних праздников манси являлся культ гор (или пещер). До последнего времени местами проведения некоторых праздников у восточных кондинских манси были так называемые шаманские круглые горы – искусственные сооружения, являющиеся археологическими памятниками (например, Карымское городище). Они служили местами общественных жертвоприношений в течение длительного времени. Священными считалась сама гора и растущее на ней дерево. Кондинские манси в таких местах отмечали праздник Покров, знаменовавший начало пушного промысла. В этот день убивали большое количество домашних животных. Церемонией руководил шаман. На таких горах или около них стояли священные амбарчики, где складывались жертвоприношения. Развитие особого отношения к горам у населения, живущего от них в непосредственной близости, естественно и широко распространено. Другое дело, район реки Конды, где настоящих гор нет. Существующий здесь устойчивый комплекс представлений о горах и обильные жертвоприношения, совершаемые кондинскими манси, могут свидетельствовать о возможных миграциях в этот район населения с запада.

Главное свойство праздников в их повторяемости, другая важнейшая функция праздников – интегрирующая, объединяющая определенное сообщество (семья, община, народ). В полиэтничной среде они служат средством укрепления этнического самосознания, культурная традиция передается от поколения к поколению. Кроме того, праздники выполняют важную функцию социальной и психологической адаптации человека в обществе.

МУЗЫКА

Сведения о традиционной музыке манси содержатся в обширном круге историко-этнографических и фольклорных источников, среди которых наиболее информативными являются работы В.Ф. Зуева (1947), Н.Л. Гондатти (1888б), И.И. Авдеева (1935, 1936), В.Н. Чернецова (1968, 2001, Источники..., 1987), Н.И. Новиковой (1985, 1990), З.П. Соколовой (1986а, 1991б), Е.И. Ромбандеевой (1993), а также мемуаральные собрания вогульской народной поэзии Б. Мункачи (*Munkácsi*, 1910–1921; *Munkácsi, Kálmán*, 1952, 1963) и А. Каннисто (*Kannisto, Liimola*, 1951–1963).

Первые звукозаписи музыки манси с помощью фонографа произведены в начале XX в. А. Каннисто. Эти мелодии опубликованы в работе А.О. Вяйзянена (*Väisänen*, 1937б). В дальнейшем фонозаписи мансийского фольклора осуществляли Е.В. Гишпиус, Н.М. Владыкина-Бачинская, И.А. Богданов (Бродский), А.М. Айзенштадт, М.Я. Жорницкая, Х. Сильвет, Е.А. Алексеенко, Е. Шмидт, К. Лазар, Ю.И. Шейкин, Г.Е. Солдатова, О.В. Мазур и др. На сегодняшний день опубликовано более 200 образцов музыки манси в нотных записях (Сборник..., 1959; *Kálmán*, 1976; *Жорницкая*, 1980; *Finnugor népek*, 1985; *Сильвет*, 1986; Хантыйские и мансийские песни, 1993; *Мазур, Солдатова*, 1997 и др.), определены основные жанровые сферы музыкального фольклора (*Бродский*, 1976; *Богданов*, 1981, 1982, 1990; *Айзенштадт*, 1979; *Шейкин*, 1996, 2002; *Soldatova*, 1995; *Мазур, Солдатова*, 1997), описаны музыкальные инструменты (*Väisänen*, 1931, 1937а; *Вертков, Благодатов, Язощицкая*, 1975; *Гишпиус*, 1974, 1976, 1988; *Hippius*, 1979; *Сильвет*, 1986; *Шейкин*, 1990;

Мелодии санкквылтапа, 1993; Солдатова, 1995, 1998, 2001а,б), исследованы отдельные вокальные жанры (Владыкина-Бачинская, 1977; Солдатова, 1998, 2001б).

Манси сохранили богатый фоноинструментарий, включающий собственно музыкальные инструменты (цитра, арфа, лютия, варган) и инструменты обрядового или промыслового назначения.

Наибольшее распространение имеет цитра *сангкквылтап* (возможно, от *сангккылтапкве* “звенеть”). Корпус представляет собой желобообразный продолговатый ящик, с одной стороны имеющий клиновидную форму, с другой – два рожка, соединенных перекладиной. Параллельно деке натянуты 5–7 струн *тан* из оленьих кишок или сухожилий. *Тарыгсыт-йив* “журавлиная шея-дерево” – угловая арфа, корпус которой напоминает туловище птицы, верхняя часть шейки оформлена в виде птичьей (иногда звериной) головы. Сейчас встречаются цельно-долбленные арфы с 9–12 струнами (Väisänen, 1937а. С. XXXIX). Наигрыши на цитре и арфе имеют широкую область применения. Важная функция их – призывание и презентация духов с помощью именных мелодий в рамках обрядовых действий.

Тумран (*тумра, тумре*, от рус. *домра*) – пластинчатый идиоинструментальный варган, сделанный из лопатки оленя или коровы. Варган у манси – женский инструмент. На нем играют для себя и во время праздника по случаю установления рыболовного запора.

Одно-, двухструнный инструмент *нэрнэ-йив* (возможно, “женское дерево”, “дерево для пиления”) – чашечная шейковая лютия со смычковым способом звуковлечения, изготовленная из цельного куска дерева; для струн и смычка используется конский волос. На этом инструменте исполняются преимущественно необрядовые песенные мелодии.

Среди обрядовых инструментов важнейшим является бубен, называемый *койп*, *куйп*, *коюп* – односторонний рамный барабан круглой или слегка овальной формы. Поверх “столбиков” на обечайке проложен обруч и натянута оленья или лосиная кожа. Рукоять Y- или крестообразная (см.: *Гондатти*, 1888а; *Kannisto*, 1958; *Проккофьева*, 1961б; *Источники...*, 1987). Колотушка *няли* иногда используется для гадания. Обрядовое назначение имеют также *нял парт* – доска со стрелами, звук которой говорит о приходе духов в шаманском обряде, *силынг тор* – платок с бубенчиками, в котором богиня *Калтась* предстает на медвежьем празднике, *ялпынг улама* – священное покрывало с колокольчиками, непременный атрибут обрядов поклонения духам всех уровней, разливная ложка *тай* с деревянной подвеской-погремушкой, используемая в жертвенных церемониях и др.

В промысловых целях манси используют манки – берестяные (*сас нелм* “берестяной язык”) и перьевые (*кисгил* “свисток”). Сохранились два аэрофона – *вот-во-внэ товыл парт* (“ветер вызывающая летающая доска”) и детская игрушка-пропеллер *пыгалтон/ларгалтан*.

Вокальные жанры объединены общим термином *эрыг/эри, эрий* (“песня”). Обрядовая песенная культура полнее всего представлена в рамках медвежьего праздника (*Гондатти*, 1888а; *Авдеев*, 1936; *Väisänen*, 1937б; *Kannisto*, 1958; *Чернецов*, 1968, 2001; *Источники...*, 1987; *Мазур, Солдатова*, 1997; *Соколова*, 2002 и др.). На протяжении нескольких дней с наступлением темноты исполняются песни, танцы, драматические представления. Каждая ночь праздника должна включать следующие обязательные компоненты: 1) мифопоэтические песни *уй эрыг* о спуске на землю медведя-первопредка и о его пребывании на земле, исполняемые коллективно: несколько мужчин (3–5) стоят лицом к медведю и раскачивают вверх-вниз сцепленные за мизинцы руки; стоящий посередине сдержанно и размеренно ведет мелодию, остальные подпевают; 2) *хум йикв, нэ йикв* – мужские и женские танцы в сопровождении музыкальных инструментов; 3) сакральные представления духов-покровителей *яныг тулыглап* (“большое представление”) с предваряющими их призывными песнями *кастынг эрыг*; 4) комедийные сценки-представления *тулыглап* (иногда

в песенной форме – *тулыглап эрыг*) с актерами в берестяных или деревянных масках; 5) песня пробуждения медведя *холи эрыг* (“утренняя песня”). В последнюю ночь исполняется, кроме того, *ялпынг эрыг* – заключительная песня, символизирующая отправление души медведя на небо.

В обряде представлены различные формы интонирования: пение сольное и ансамблевое, звукоподражание ворону во время ритуальной трапезы, произнесение реплик фальцетом (в представлениях *тулыглап*), игра на музыкальных инструментах (танцы, представления, призывные мелодии), создание звуковых эффектов с помощью *тарыг-нёл* (“журавлиный клюв”, стук которого пугает медведя) и идиофонов-подвесок.

В шаманской практике манси бубен фиксируется исследователями до середины XX в., цитра же применялась в сеансе *турман кол* (“темный дом”) до недавнего времени. Основная задача музыканта – исполнение мелодий, призывающих духов или символизирующих их приход. Каждому духу посвящена персональная мелодия, которая легко узнается присутствующими. Важные драматургические моменты ритуала сопровождаются наигрышами: “*Пуныг хайтнэ тан*” (“Мелодия прихода духа”), “*Полум-Торум ойка тан*” (“Мелодия бога Пельма”), “*Консунг-ойка тан*” (“Мелодия Коггистого старика”, т.е. медведя).

Для вхождения в контакт с духами использовалось также пение. Шаманские песни-призывания духов *кай сов* обнаруживают значительное сходство с призывными песнями медвежьего праздника и, по-видимому, составляют с ними единый мелодический фонд. К вокальному шаманскому фольклору относится также песня-проклятие *сатхатнэ эрыг*.

В жертвенных церемониях в качестве обязательных музыкально-фольклорных жанров функционируют: 1) молитва жреца духу-покровителю, исполняемая в речевой или песенной форме (*Kannisto, Liimola, 1951, 1955; Munkácsi, 1905*) и сходная по музыкальной стилистике с шаманским заклинанием; 2) шаманская песня *кай*, которая сопровождает гадание; 3) наигрыш на цитре – *пуны-тан* “мелодия духа-покровителя” (*Kannisto, 1958*), который предваряет или сопровождает молитву жреца. После обязательной программы следуют “различные увеселения, соревнования, музыка, эпическое пение, танцы, даже сценические представления – в случае, если собралась жизнерадостная молодежь и старики, знающие сказки, песни” (*Карьялайнен, 1996. С. 109*). Необязательная часть жертвенного обряда исполняется во время варки мяса и по окончании трапезы (*Носилов, 1997. С. 40–43*).

В числе других обрядов манси, имеющих музыкальное наполнение, – праздник, посвященный установлению рыболовного запора и вороний праздник. Музыкально-фольклорная программа этих обрядов строго не регламентирована (*Новикова, 1990*) и сходна с необязательной частью жертвенных обрядов.

Основу необрядовой вокальной культуры составляют индивидуальные (личные) песни. Они делятся на эпические (эпико-лирические), где излагаются истории жизни, описания каких-либо важных событий, и лирические (лирико-эпические) – похвальные песни и песни-жалобы (*Шмидт, 1984; Герасимова, 2000*). Если песня исполнена автором, она называется *амки эргум* “моя (собственная) песня”, если кем-либо другим – (имярек) *эрыг*, т.е. указывается имя автора. Повествование всегда ведется от первого лица, а факт исполнения чужой песни оговаривается. Личные песни сочиняются в любом возрасте, многие это делают в период взросления или в предчувствии смерти (*Богданов, 1981б*).

Особую группу необрядовых песен составляют *улилап* (от *ули* “восхваление, воспевание”): мать посвящает ребенку песню с пожеланием счастливой жизни; хозяин, ухаживая за детенышем домашнего животного, сочиняет для него ласковую или шутивную песню; девушка или юноша поют *улилап* возлюбленному (*Шмидт, 1979, 1984*).

Термин *тэрнынг эрыг* маркирует исчезнувший жанр героической песни, в котором описываются деяния богатырей-первопредков (*Munkácsi*, 1910–1921; *Kannisto, Liimola*, 1955), добывание невесты и сражения с врагами. Героями являются, как правило, духи-покровители территорий – Среднесосьвинский Старик и др. По ряду признаков *тэрнынг эрыг* сходны с обрядовыми песнями, они относятся к эпико-мифологическому пласту. Пение героических песен сопровождалось игрой на музыкальном инструменте (*Патканов*, 1999. С. 218). К эпико-мифологическим жанрам примыкает и *эргынг мойт* (“поющая сказка”), бытующий и ныне. Среди персонажей таких песен – Среднесосьвинский Старик, Женщина-лягушка (покровительница с. Хулимсунт), Сын Богатыря из Чума (верхнелозьвинский покровитель оленьих стад). Музыкальную стилистику *эргынг мойт* отличают повторяющиеся мелодические ячейки, разомкнутая мелострока.

Особенности системы фольклорных жанров, тип фоноинструментария, доминирующая роль медвежьего праздника, ряд других черт позволяют говорить о близком типологическом родстве культур манси и хантов. В то же время заметны различия в музыкальном языке, что может быть связано с особенностями этногенеза обских угров – с неодинаковой ролью южного компонента в сложении этносов.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

При украшении своих вещей манси использовали различные приемы обработки материалов (об орнаментированных вещах см.: *Федорова*, 1992б; 1994а, 1997в; 1998в, 2000в и др.; *Рындина*, 1995а. С. 252–282). На протяжении веков у них сложился и богатый фонд орнаментальных мотивов, отразивший различные этапы этнической истории. При декорировании предметов, как и при их изготовлении, существовало разделение труда: мужчины работали с твердыми материалами (дерево, кость, рог), женщины – с мягкими (береста, мех, ткань).

Большим разнообразием отличаются орнаментированные вещи северных манси, хотя, например, предметов из дерева и кости сохранилось сравнительно немного. Выделяются следующие виды технических приемов резьбы по кости: трехгранно-выемчатая, ямчатая и резьба наколом, тонколинейная, ажурная, циркулярная, профилирование краев (*Иванов*, 1963. С. 56). Резьбой (кружки с точкой в центре) украшали костяные пластинки, предохранявшие руку от удара тетивой при стрельбе из лука. На них мог присутствовать и достаточно сложный узор – медальонное изображение зверя-тотема. Простой геометрический орнамент (зигзаг, круги с точками, комбинации из точек) наносили на костяные же детали оленьей упряжи, мерки для пороха, поясные пряжки, пряслица, табакерки из коровьего рога. Профилирование краев, ажурная резьба присутствуют на пряжках для мужских сумочек, накладках на мужские пояса. Приемы резьбы по дереву были следующими: трехгранно-выемчатая, тонколинейная (контурная), двупланово-рельефная, профилирование краев (Там же). На деревянных вещах (мужских ножнах, веслах невесты, швейках, крюках с цепями для подвешивания колыбелей, ручках ложек, табакерках, коробочках для пороха) вырезали зигзаги, косые кресты, композиции из треугольников, ромбы, шевроны, располагая их рядами. Нередко поверхность декорируемого предмета делили на зоны-секции: узор помещался внутри них; резьба по дереву и кости сочеталась с окрашиванием предмета. Курительные трубки, рукоятки ножей инкрустировали оловом. Скульптурное оформление в виде голов животных имели коньки крыши, а также крюки, поддерживавшие желоба по ее бокам. Головы и фигурки животных вырезали на концах ручек деревянных черпаков и чашек.